

УДК 81'27

**Е. А. Картушина**

**ЯЗЫКОВОЙ ПУРИЗМ:  
ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ  
(НА ПРИМЕРЕ ФИНСКОГО ЯЗЫКА)**



Рассматривается вопрос языкового пуризма на примере финского языка. Актуальность исследования обусловлена факторами глобализации, усилением роли языковых контактов, влиянием английского языка на многие европейские языки, в том числе и финский. Новизна исследования видится в том, что в нем выделяются индивидуальный и социальный уровни языкового пуризма и предпринимается попытка определить те методы социальной лингвистики, которые значимы для изучения языкового пуризма на индивидуальном и социальном уровнях. Приводятся определения понятий «языковой пуризм», «языковая рефлексия» и «метаязыковое знание». Особое внимание уделяется рассмотрению их сходств и различий. Представлены результаты исследования контекстуального анализа блогов, посвященных иноязычным элементам в финском языке: языкового материала, позволяющего рассматривать индивидуальный уровень языкового пуризма. Ставится вопрос о том, какие факторы значимы и для социального уровня языкового пуризма. К таковым факторам автор относит иноязычное влияние на языковую норму национального языка в синхронии и диахронии, степень стандартизованности языковой нормы. Другие факторы, которые, с точки зрения автора, должны учитываться в социолингвистическом анализе языкового пуризма, – это сферы использования языка, его функциональность, а также прагматическая потребность в использовании правильного, чистого языка, порой играющая ключевую роль в развитии и формировании языкового пуризма в определенном социокультурном сообществе. В итоге отмечается, что индивидуальный и социальный уровни языкового пуризма не изолированы друг от друга, а, напротив, тесно переплетаются и взаимообусловлены.

*Ключевые слова:* языковой пуризм; финский язык; языковые контакты; языковая рефлексия; виртуальная коммуникация; социолингвистика; языковая политика; язык и глобализация; лингвопрагматика; психолингвистика; язык и общество.

Ввиду глобализации, усиления языковых контактов, влияния американского варианта английского языка, в социолингвистических исследованиях всё большее распространение получает языковой пуризм, (см. в работах В. В. Богуславской, Э. А. Катаниной [Богуславская, Катанина, 2016], Л. С. Жуковой [2008], И. И. Валуйцевой, Д. А. Каютенко [2014], Р. Ш. Насибуллин [2012].

Вслед за классическим определением Дж. Томаса под языковым пуризмом мы понимаем совокупность представлений о таком варианте языка, который считается правильным или более грамотным, чем другие варианты (диалекты, жаргоны) [Thomas 1991, 12]. Неотъемлемое свойство языкового пуризма – институционализация языка, что и сближает данную категорию с социолингвистическим понятием языкового планирования [Thomas 1991, 14].

Языковой пуризм, согласно определению Томаса, «представляет собой стремление некоторой группы языкового сообщества сохранить язык в определенной форме или избавиться от иноязычных элементов как нежелательных (аналогично словам из диалектов, социолектов



и стилей одного и того же языка). Он может быть направлен на все уровни языка, но преимущественно – на лексический состав. Кроме того, языковой пуризм – это один из аспектов кодификации, культуры речи и планирования нормы языка» [Thomas 1991, 12].

С другой стороны, поскольку языковой пуризм – совокупность представлений о языке, то эту категорию нельзя рассматривать отдельно от языковой прагматики и языковой рефлексии.

### **Языковой пуризм и языковая рефлексия**

При определении языкового пуризма можно выделить понимание его и в узком, и в широком смысле. В узком смысле [см.: Жукова 2008, 63–64] языковой пуризм понимается как излишне строгое, непримиримое отношение к любым заимствованиям, новшествам вообще, ко всем субъективно понимаемым случаям искажения, огрубления и порчи языка, тогда как языковой пуризм в его широком понимании – это некий образ языка, присутствующий в сознании каждого из нас, занимая либо ключевое, либо периферийное место.

Как мы полагаем, языковой пуризм подразумевает два аспекта рассмотрения (чем, в свою очередь, обусловлена важность его применения в социальной лингвистике): индивидуальный (аспект, связанный с метаязыковым индивидуальным знанием) и социальный (связанный с языковой идеологией и нормированием языка).

В рамках данного исследования мы ставим целью рассмотреть индивидуальные и социальные аспекты языкового пуризма, а также те методы и материалы, с помощью которых языковой пуризм может учитываться как социокультурный параметр лингвистики. Среди задач данного теоретического исследования важно разграничение понятий «языковой пуризм» и «языковая рефлексия», ровно как определение методов, важных для их применения при социолингвистическом описании.

Индивидуальный уровень языкового пуризма подразумевает всю совокупность представлений о собственной речи индивида и основан на сопоставлении своей речи с некоторым эталоном языка. Идея эталонности языка в сознании индивида отмечается, например, в работе А. В. Шахнаровича [Шахнарович 2011]. Как указывает исследователь, поскольку данные эталоны правильного языка сформировались в детстве, то процесс их элиминации сложен и требует усилий, стремления к изменению и на индивидуальном, и на социальном уровнях [Шахнарович 1991, 198].

В определенной степени пуризм индивидуального уровня связан с понятиями языковой рефлексии (*linguareflexia*) и метаязыкового знания. Тем не менее можно заметить и некоторые отличия при разграничении этих терминов.

Метаязыковое знание понимается, согласно определению М. Зипке, как способность идентифицировать референты слов, оппозиции; различать денотативное и коннотативное значение слова; разрешать лексическую неоднозначность, разграничивать омонимы, синонимы и антонимы; отличать сленг, диалекты, жаргоны, видеть различия между официальным языком и обыденной речью, идентифицировать использование разных видов переноса, персонификации и т. д. [Zipke 2011].

Как видим, метаязыковое знание – это в большей степени психолингвистический термин, предполагающий также способность к дифференцированию, связанному, с точки зрения А. А. Залевской, с процессом ментальной репрезентации различий между двумя объектами [Залевская 2009, 25].

Языковая рефлексия – это следствие языкового сознания как более развитый его уровень; как способность языковой личности к осознанию, обоснованию и, в исключительных случаях, к изменению языка [Трошина 2010]. Исследование Е. В. Вепревой [Вепрева 2005] показало, что материалом для определения и анализа языковой рефлексии служат тексты: записи блогов, посты в социальных сетях относительно функционирования определенных лексем. Таким образом, методом анализа языкового пуризма в его индивидуальном преломлении становится лингвопрагматический анализ записей в сети Интернет, содержащих иноязычные заимствования, а также записи, выражающие отношение к ним («размышления о языке»).

### Индивидуальный аспект языкового пуризма

Подобного рода проявления языковой рефлексии и позволяют рассмотреть индивидуальный аспект языкового пуризма. Это такой микроуровень языкового репертуара, который касается индивидуально-прагматического языкового нормирования. Языковой пуризм индивидуального уровня, в определенной степени, совмещает в себе языковую рефлексию и мета-языковое знание; соотносится с тем, как человек в родном языке воспринимает лексические элементы из других языков.

Языковой пуризм в его индивидуальном преломлении связан с прагматическими аспектами индивидуального описания языка, его орфоэпическим, орфографическим нормированием, а также отношениям к иноязычным вкраплениям в язык. Например, запись на финском форуме об английских лексемах *pikturi* (от англ. *picture* – картина) и *printata* (от англ. *print* – печатать): *En ymmärrä miksi sana pikturi ilmestyi, jos suomeksi on kaunis sana kuva. Ja sanoa printata ei ole yhtä kaunis kuin tulosta* (Я не понимаю, почему проявилось слово *pikturi*, если в финском есть красивое слово *kuva*. Да и слово *printata* не такое красивое, как *tulosta*) [Keskustelu24.fi]

Таким образом, индивидуальный аспект языкового пуризма соотносится с отношением к иностранным элементам в родном языке: *Tässä blogissa tiukka keskustelu lainasanoista. Itsekään en ole ihastunut sellaisiin mukautumattomiin "lainoihin" kuin hands free tai bluetooth. Eli mitä luulette: toimisiko kiinan malli myös Suomessa? Uhkasakko verkkokeskustelijalle, joka kirjoittaa btw, öbaut tai tuunata?* (В этом блоге я бы хотел написать о заимствованиях. Лично меня не прельщают слова – «иностранщины» типа *handsfree* или *bluetooth*. Или я что-то недопонимаю: мы не можем сказать то же самое по-фински? Или когда мы общаемся в чате и пишем *btw, öbaut* или *tuunata*?) [Keskustelu24.fi].

На некоторое неприятие заимствований из шведского (автор записи называет их шведизмами) может указывать и следующая запись в блоге [Monikielisyysmielteitä]: *Minustä Suomen kielenhuollossa on svetisismejäperinteisesti pidetty kartettavina. Myös tyyppi „omenat ovat loppu” on svetisismi (vrt. ruotsin äpplena är slut). Parempaa suomea on sanoa omenat ovat lopussa* (По-моему, в развитии финского языка прослеживается слишком большое влияние шведского. Даже такие предложения, как «*omenat ovat loppu*» (яблоки кончились), являются шведизмами (швед. *äpplena är slut*). По-фински лучше сказать *omenat ovat lopussa*).

Если говорить о прагматике данных контекстов, то очевидно, что такое отношение к заимствованным лексическими единицам-заимствованиям из английского языка можно обозначить как «скорее, негативное», на что указывают, в частности, глаголы, высказывающие неприятие (*я не понимаю, меня не прельщают*) в данных записях.

Индивидуальный аспект языкового пуризма, таким образом, связан с кодификацией языковой нормы, в то время как её прагматическая сторона переплетается с социальным аспектом языкового пуризма.

### Социальный аспект языкового пуризма

Среди параметров исследования языковой нормы, в частности и языкового пуризма вообще, можно выделить следующие факторы, относящиеся именно к социальному аспекту нормативного, «чистого» функционирования языка в обществе.

Одним из них видится влияние другого языка на языковую норму национального языка в синхронии и диахронии. Для анализа выбранной нами страны (Финляндии) рассмотрим социально-исторические аспекты сосуществования двух языков (финского и шведского) на территории Финляндии.

Финский язык государственным стал сравнительно недавно – в 1819 г. До этого времени социолингвистическая ситуация описывалась как диглоссия в её понимании Ч. Фергюсоном [Ferguson 1959]. Шведский язык использовался как «высокий» язык в официальных сферах: государственного управления, внешней торговли и др., в то время как финский считался языком семейного бытового общения. Как правило, ситуация диглоссии приводит к тому, что «высокий» язык оказывает влияние на формирование литературной нормы другого языка. «Высо-



кий» язык, в определенной степени, задаёт вектор развития для «низкого» языка, показывая направление роста. Например, в свое время на формирование нормы норвежского языка сыграл роль датский язык.

Что же касается финского языка, то, согласно результатам исследования П. Ринтола [Rintola 1998], языковой пуризм сыграл существенную роль в развитии финского языка. Финский языковой пуризм существует столько же, сколько и сам финский язык. Корни финского языкового пуризма простираются в XVI век, когда Михаэль Агрикола перевел Библию на финский. По мнению П. Ринтола, это был первый этап языкового пуризма – фаза его становления, характеризующаяся неосознанностью, отсутствием форсирования извне, а лишь стремлением говорить на чистом языке. Осознанным, более определенным пуризм финского языка стал на этапе своего развития – в XIX в., пришедшем на период развития национально-самосознания, языковой реформы, получения независимости и роста государственности [Rintala 1998, 54].

Основной литературной нормы финского языка стал язык столичного койне: области *Uusimaa*, но и сейчас, как отмечается в работе П. Хииденма [Hiidenma 2003], столичное койне стало развиваться на основе не географического объединения диалектов, а на основе влияния культурных, исторических и политических факторов.

Таким образом, среди исторических факторов формирования языкового пуризма в Финляндии важную роль сыграл и фактор диглоссии, и ситуация двуязычия на протяжении почти столетия.

При рассмотрении языкового пуризма нельзя не учитывать и степени стандартизованности языковой нормы. В разных языках прагматический аспект пуризма варьируется, равно как и степень допустимости варьирования стандартного языкового употребления, говоря о чем можно упомянуть и о некотором негласном социальном договоре в отношении того, насколько позволительно строгой может быть языковая норма.

Как правило, функция стандартного языкового употребления (*languageuse*) обеспечивает понимание между пользователями данного языка. Так, в арабском языке классический арабский (язык Корана) призван объединять все территориальные варианты. В норвежском же языке, напротив, существует два стандартных языка: букмол и риксмал – и оба они считаются правильными, нормированными, чистыми.

Тем не менее, приведенные примеры разной степени вариативности языковой нормы – это две крайности, две стороны одной медали. Языковая норма не является статичным образованием. Так, в отношении финского языка мы можем говорить о достаточно свободной степени вариативности языковой нормы, но при этом стоит заметить противопоставление стандартного языка – разговорному. Так называемый *puhekieli* (разговорный язык), характеризующийся усечением словоформ, одинаковыми глагольными флексиями для глаголов всех четырех групп в единственном и множественном (*taan/fään*) и редуцированием гласных при произношении, противопоставляется стандартному языку (отличающемуся более развитыми падежными флексиями, синтетической морфологической структурой), который зачастую воспринимается как слишком книжный и правильный. На данный момент можно говорить о том, что разговорный финский проникает в сферы распространения стандартного, нормированно-литературного языка [Luutonen 2001, 192].

Другой фактор, который не может не влиять на чистоту языка, это сферы использования языка, его функциональность. На степень вариативности языковой нормы влияет масштаб разнообразного использования языка. Вариативность языковой нормы зависит от того, используется ли язык в высокой или низкой сферах; задействован ли он в политической коммуникации; в культурных, образовательных и религиозных институтах [Luutonen 2001, 200]. Очевидно, что при возникновении новой сферы функционирования языка, стандартный, нормированный язык подвергается определенной вариативности. Появляются новые сферы его использования, в которых созданная несколько лет назад литературная норма может стать неприемлемой. Например, с виртуализацией коммуникации орфографическая норма становится менее строгой,

а на первый план выходит спонтанность речи. Язык, в некотором роде, начинает «изыскивать ресурсы» для выполнения своей главной функции – быть средством общения.

Так или иначе, вариативность языковых средств в разных сферах использования языка ведет к изменчивости языковой нормы. Новые сферы использования языка, частое появление новых реалий не могут обойти стороной языковую норму. Предполагается, что языковая норма должна быть не статичной, а прежде всего – функциональной. Подтверждение этому находим в работе В.Г. Костомарова: «Неосторожный взгляд в будущее позволяет предположить, что критерием правильности будет не столько некая единая норма, привносимая в развитие языка, сколько языковые правила и средства наиболее эффективного его функционирования в интересах разных сфер общественной коммуникации» [Костомаров 2012, 15]. Представление о языковой норме как статичном образовании, об эталоне, далеком от реальности, является иллюзорным.

Наконец, при рассмотрении языкового пуризма нельзя не учитывать и прагматическую потребность в использовании правильного, чистого языка. Очевидно, что большое количество текстов влечет за собой сложность контроля за правильным использованием языка.

В финском языке до революции 1917 г. существовало сильное разделение между устным (языком малограмотного крестьянства) и письменным языком. Это явилось следствием цензуры – со стороны церкви, управы округов, интеллигенции.

Говоря о становлении пуризма финского языка на этом этапе, нельзя не упомянуть и деятельность Л. Хаукалинена, проф. университета Хельсинки, выступавшего за изменение финского языка. Одна из его идей – реформирование синтаксиса, пересмотр ненужной инверсии, морфологической структуры местоимения. Считая себя пуристом языка, Хаукалинен полагал, что в финском необходимо оживить союзы и систему падежных окончаний, которая должна быть отличной от шведского [Haukalinen 1947, 97–111]. В частности, исследователь отмечает: «Естественно, что те поколения, которые знали шведские диалекты больше, чем наши современники-финны, но которые хотели стать финнами и говорить по-фински – они волей-неволей просто расширяли “внутренний круг шведского языка”, распространяя его и на наш язык. Все конструкции шведской грамматики, по большому счету, – это нарушения финского языка, что и стало причиной вариативности финского языка – того порока, который затронул все европейские языки. В нашем языке это прошло незаметно. Обычные разговорные слова вытеснились, их стали считать устаревшими, не нужными. Мы поддались этому духу образованности, но многое и потеряли в языке. В повседневной нашей жизни мы неосознанно, но ощущаем эту словесную потерю» (перевод наш ЕАК) [Haukalinen 1957, 104-105].

Отметим, что становление языкового пуризма пришлось на первый этап языковой ситуации, при изменении ситуации диглоссии, когда финский язык из «низкого» языка становился «высоким» – языком государственного управления, международной торговли и языком образования. Возможно, деятельность пуристов-реформаторов была бы результативнее, если бы финскому языку на тот момент не нужны были ресурсы для развития, для охвата большего количества коммуникативных областей. Это социальное распространение языка шло более быстрыми темпами, чем борьба за чистоту языка.

После смены власти в 1917 г. издательства перестали осуществлять такую строгую редактуру. В письменный язык стали проникать жаргонизмы, диалектные формы.

Это приводит к широкому использованию разговорной формы языка, которая поддается некоторой кодификации. Подобного рода механизм саморегулирования языковой нормы обусловлен стремлением стереть диалектные различия, а также ограниченным использованием нормированного языка, не выходящим за рамки малочисленных социальных групп (интеллигенции). На этапе становления языковой нормы социально-прагматическая потребность в использовании правильного языка, как правило, выше.

Напротив, чем больше сфер использования языка, тем сложнее осуществлять контроль над его нормативностью. Более того – использование в определенной области нескольких языков может привести к их смешению. Так, в виртуальной коммуникации наиболее распростра-



ненным языком является английский, что и привело к возникновению смешанной, наполовину пиджинизированной формы английского и финского языков, как и показал наш анализ записей в сети Твиттер [Kartushina 2017].

С другой стороны, вряд ли уместно говорить о полном отсутствии контроля за правильностью использования языка и создания текстов в сети Интернет. Например, при написании блога или комментария пользователю будут предложены разные форматы текста с заданным количеством строк и слов. Следовательно, языковая норма проявляется в другой «ипостаси», а именно: в формальных показателях текста. Очевидно, что критерии связанности текста – *когезия* (формальная связанность текста), *когерентность* (логически-содержательная связанность текста) и *дейксис* (который может проявляться в указании геопозиции и отсылках к другим интернет ресурсам) играют более важную роль, хотя, несомненно, этот аспект требует отдельного изучения и верификации данных.

### Выводы

Языковой пуризм предполагает рассмотрение его на индивидуальном и на социальном уровнях. Индивидуальный уровень языкового пуризма связан с понятием языковой рефлексии и метаязыкового знания как совокупности индивидуальных представлений о языке. В то же время социальный уровень языкового пуризма не тождественен сумме индивидуальных представлений, а, напротив, касается анализа социокультурных факторов, прямо или косвенно влияющих на языковую норму, кодификацию языка на социальном уровне и на уровне языкового планирования.

Языковой пуризм как социокультурный феномен и параметр анализа социолингвистической ситуации заключается в той степени нормированности, которая приемлема для субъективного использования индивида и как более значимой лингвопрагматической категории, связанной с социально-языковой нормой национального языка.

### ЛИТЕРАТУРА

- Богуславская В. В., Катанина Э. А.* Идеологический пуризм в контексте патриотизма: социокультурный аспект // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 3. С. 10–13.
- Валуцьева И. И., Каютенко Д. А.* Языковой пуризм в современной России. Формирование культурной и языковой компетенции в процессе изучения иностранного языка // Интернет и изучение иностранного языка: сборник материалов международной научной конференции. М., 2014. С. 166–168.
- Вепрева Е. В.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: Олма-Пресс, 2005. 377 с.
- Жукова Л. С.* Исследование языкового пуризма как этнопсихолингвистического явления (на примере современной Великобритании) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6. № 1. С. 63–70.
- Залевская А. А.* Вопросы теории двуязычия. Тверь: Тверской гос.ун-т, 2009. 144 с.
- Костомаров В. Г.* Язык текущего момента: понятие нормы // Мир русского слова. 2012. № 4. С. 13–19.
- Насибуллин Р. Ш.* Генезис удмуртского пуризма // Журналистика и литература финно-угорского мира России: истоки и пути развития. Ижевск, 2012. С. 71–83.
- Трошина Н. Н.* Культура языка и языковая рефлексия: Аналитический обзор. М.: РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания, 2010. 64 с.
- Шахнарович А. М.* Когнитивные и коммуникативные аспекты речевой деятельности // Вопросы психолингвистики. 2011. № 13. С. 196–201.
- Hakulinen L.* 1945. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kielitoimiston perustaminen, sen taustaa ja esivaiheita. Virittäjä 49 s. 109–112.
- Hiidenmaa P.* Koulu ja kielenhuolto. Virke: Äidinkielen opettajain liiton jäsenlehti. № 4. 2003. P. 60–61.
- Ferguson C.* Diglossia. Word. Vol. 15. 1959. P. 325–350.
- Kartushina E.* Finglish in virtual communication: an attempt of a pre-pidgin pragmatic analysis. Языковые контакты в циркумполярном регионе. 27–29 октября 2017. М.: Институт языкознания РАН, тезисы конференции / Под ред. О. А. Казакевич, А. А. Кибрика, Н. М. Стойновой, О. В. Ханиной. С. 22–24.

*Keskusteilu.* 24 <https://keskustelu.suomi24.fi/yhteiskunta/uskonnot-ja-uskomukset/kristinusko/helluntaisuus> (дата обращения 20.07.2018).

*Luutonen J.* Sanaston variaatio volgalaisissa ja permiläisissä kielissä Euroopan kielikartaston materiaalin valossa. Kodukeel ja keele kodu. Home language and the home of a language. Eesti Keele Instituudi Toimetised. Tallinn. 2001. P. 187–194.

*Monikielisyysmeitteet.* <https://monikielisyysmietteet.wordpress.com> (дата обращения 15.07.2018).

*Rintola P.* Kielikäsitys ja kielenohjailu. Sananjalka. № 40, 1998. S. 47–64.

*Thomas G.* Linguistic Purism (Studies in Language and Linguistics). Longman, 1991. 264 p.

*Zipke M.* First graders receive instruction in homonym detection and meaning articulation: The effect of explicit metalinguistic awareness practice on beginning readers. Reading Psychology. 2011. Vol. 32(4). P. 349–371.

Поступила в редакцию 15.11.2018

**Картушина Елена Александровна,**

кандидат филологических наук, доцент,

Московский городской педагогический университет

129226, Россия, Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, 4

e-mail: eakartushina@gmail.com.

**E. A. Kartushina**

### **Language Purism: Social and Individual Aspects (on the case of Finnish language)**

The issue of linguistic purism is considered through the example of the Finnish language. The relevance of the study is conditioned by the factors of globalization, the strengthening of the role of language contacts, the influence of the English language in many European languages, including Finnish. The novelty of the research is seen in the fact that the author singles out both individual and social levels of linguistic purism and makes an attempt to determine those methods of social linguistics that are significant for the study of linguistic purism on individual and social levels. The definitions of the concepts “language purism”, “language reflection”, “meta-language knowledge” are given. Particular attention is paid to the consideration of similarities and differences of these concepts. The results of a study of contextual analysis of blogs devoted to foreign language elements in Finnish language are presented – i.e. a language material that allows one to consider the individual level of linguistic purism. The question under particular consideration is which factors are significant for the social level of linguistic purism. To these factors, the author attributes the influence of another language to the linguistic norm of the national language in synchrony and diachrony, the degree of standardization of the linguistic norm. Other factors, in the author’s point of view, that should be taken into account in the sociolinguistic analysis of linguistic purism are the areas of use of the language, its functionality, and also the pragmatic need for using a correct, pure language. It is this factor that sometimes plays a key role in the development and formation of linguistic purism in a certain socio-cultural community. In conclusion, it is noted that the individual and social levels of linguistic purism do not exist isolated from each other, but, on the contrary, are closely intertwined and are interdependent.

*Keywords:* language purism; Finnish language; language contacts; language reflection; virtual communication; sociolinguistics; language policy; language and globalization; linguopragmatics; psycholinguistics; language and society.

**Citation:** Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 1, pp. 26–33. In Russian.

### REFERENCES

**Boguslavskaya V. V., Katanina E. A.** Ideologicheskii purizm v kontekste patriotizma: sotsiokul’turnyi aspekt [Ideological purism in the context of patriotism]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogics], 2016, no. 3, pp. 10–13. In Russian.

**Valuitseva I. I., Kayutenko D. A.** Yazykovoi purizm v sovremennoi Rossii. Formirovanie kul’turnoi i yazykovoi kompetentsii v protsesse izucheniya inostrannogo yazyka [Language purism in modern Russia. Formation of cultural and linguistic competence in the process of learning a foreign language].



Development of a cultural and linguistic competence in foreign language acquisition]. *Internet i izuchenie inostrannogo yazyka: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Internet and foreign language acquisition: International conference proceedings]. Moscow, 2014. Pp. 166–168. In Russian.

**Vepreva E. V.** *Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu ehpkhu* [Language reflection in post-soviet epoch]. Moscow, Olma-Press, 2005. 377 p. In Russian.

**Zhukova L. S.** Issledovanie yazykovogo purizma kak ehtnopsikholingvisticheskogo yavleniya (na primere sovremennoj Velikobritanii) [Study on language purism as an ethnic and psycholinguistic phenomenon]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Novosibirsk State University Herald. Linguistics and cross-cultural communication], 2008, vol. 6, no. 1, pp. 63–70. In Russian.

**Zalevskaya A. A.** *Voprosy teorii dvuyazychiya* [Issues on bilingualism]. Tver', Tverskoi gos.un-t, 2009. 144 p. In Russian.

**Kostomarov V. G.** Yazyk tekushhego momenta [The language of the current moment]. *Mir russkogo slova* [Russian World Word], 2012, no. 4, pp. 13–19. In Russian.

**Nasibullin R. Sh.** Genezis udmurtskogo purizma [The genesis of the Udmurt purism]. *Zhurnalistika i literatura finno-ugorskogo mira: istoki i puti razvitiya* [Journalism and literature of the Finno-Ugric world of Russia: sources and ways of development]. Izhevsk, 2012. Pp. 71–83. In Russian.

**Troshina N. N.** *Kul'tura yazyka i yazykovaya refleksiya: Analiticheskii obzor* [Language culture and language reflection]. Moscow, RAN. INION. Tcentr gumanit. nauch.-inform. issled. otd. yazykoznaniya, 2010. 62 p. In Russian.

**Shakhnarovich A. M.** Kognitivnye i kommunikativnye aspekty rechevoi deyatel'nosti [Cognitive and communicative aspects of speech activity]. *Voprosy psikholingvistiki* [Linguistics Issues], 2011, no. 13, pp. 196–201. In Russian.

**Hakulinen L.** 1945. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kielitoimiston perustaminen, sen taustaa ja esivaiheita. *Virittäjä* 49 s. 109–112. In Finnish.

**Hiidenma P.** Koulu ja kielenhuolto. *Virke: Äidinkielen opettajain liiton jäsenlehti*. no. 4. 2003, pp. 60–61. In Finnish.

**Ferguson C.** Diglossia. *Word*. Vol 15, 1959, pp. 325–350. In English.

**Kartushina E.** Finglish in virtual communication: an attempt of a pre-pidgin pragmatic analysis. *Yazykovye kontakty v tsirkumpolyarnom regione. 27–29 oktyabrya 2017* [Language contacts in a circumpolar world. Conference proceedings 27–29 October 2017]. Moscow, Institut yazykoznaniya RAN, tezisy konferentsii. Pod redaktsii O. A. Kazakevich, A. A. Kibrika, N. M. Stojnovoi, O. V. Khaninoy. p. 22–24. In English.

**Keskusteilu. 24** <https://keskustelu.suomi24.fi/yhteiskunta/uskonnot-ja-uskomukset/kristinusko/helluntaisuus> (accessed: 20.07.2018).

**Luutonen J.** Sanaston variaatio volgalaisissa ja permiläisissä kielissä Euroopan kielikartaston materiaalin valossa. *Kodukeel ja keele kodu. Home language and the home of a language. Eesti Keele Instituudi Toimetised*. Tallinn. 2001. p. 187–194. In Finnish.

**Monikielisysmeitteet.** <https://monikielisysymietteet.wordpress.com> (accessed: 15.07.2018).

**Rintola P.** Kielikäsitys ja kielenohjailu. *Sananjalka*. № 40, 1998. s. 47–64. In Finnish.

**Thomas G.** *Linguistic Purism (Studies in Language and Linguistics)*. Longman, 1991. 264 p. In English.

**Zipke M.** First graders receive instruction in homonym detection and meaning articulation: The effect of explicit metalinguistic awareness practice on beginning readers. *Reading Psychology*. 2011. Vol. 32(4). p. 349–371. In English.

Received 15.11.2018

**Kartushina Elena Aleksandrovna,**

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,

Moscow City University

4, 2-oi Selskokhozyaistvennyi Proezd, Moscow, 129226, Russian Federation

e-mail: eakartushina@gmail.com